

Сяо Люй вспыхнул от гнева, но заставил себя сдержаться:

— Цяо Цзю, ты ведь сам говорил, что тебе нужно срочно вывезти сына из управы Сицзинь! Я с огромным трудом умолил второго принца и выбил такую возможность. Я уже обо всем договорился с Его Высочеством. Ты поступаешь так, и что мне теперь делать?!

Цяо Цзю был тертым калачом и сразу уловил в словах Сяо Люя что-то неладное. Почему тот так страстно желал, чтобы Тан Шэнь встретился со вторым принцем? Неужели он давно раскрыл личность Тан Шэня?

Вряд ли. Знай он, кто перед ним, не стал бы ждать встречи Тан Шэня с Елюй Шэгэ, а просто схватил бы его и явился к принцу выслуживаться.

Цяо Цзю принялся причитать, едва не плача:

— Господин Сяо, я и сам не рад! У меня, Цяо Цзю, и старики, и малые дети — все как один слегли! Что же теперь делать?! Мой сын правда не в силах подняться с постели. Если не верите, идите посмотрите — он тяжело болен. Поедет к второму принцу — не дай бог заразит Его Высочество! Если так не идет, может, я сам отправлюсь с вами, господин Сяо, и объясню все второму принцу?

Сяо Люю ничего не оставалось, кроме как взять Цяо Цзю с собой на прием к Елюй Шэгэ.

Узнав, что сын Цяо Цзю заболел, Елюй Шэгэ слегка удивился, а затем мрачно усмехнулся:

— Как удачно заболел... Эта болезнь спасла ему жизнь. Раз он не может встать с кровати, то и из города уехать не сможет. Передайте Сяо Люю, чтобы больше не приходил на поклон.

Сяо Люй получил отворот-поворот и, пыша гневом, развернулся и ушел, даже не взглянув на Цяо Цзю.

Цяо Цзю бежал вслед за ним, рассыпаясь в извинениях, но Сяо Люй не удостоил его и словом. Лишь когда экипаж Сяо Люя скрылся из виду, с лица Цяо Цзю медленно сошла заискивающая мина. Он подумал: «Теперь без убийства этого Сяо Люя не обойтись. Мы с ним испортили отношения. Оставить его в живых — и я в управе Сицзинь ни за что ничего не добьюсь».

Тан Шэнь изображал больного в постели, рассчитывая дожидаться, пока Лу Шэнь найдет убийцу, и лишь затем покинуть управу Сицзинь.

Но кто бы мог подумать, что спустя всего пару дней в город доставят секретное письмо от Су Вэньюня.

Из управы Сицзинь нельзя было выехать, хотя въезд оставался открытым. Послание Су Вэньюня проникло в город, но сам Тан Шэнь выбраться не мог. В письме Су Вэньюнь зашифровал стихотворение тайным кодом. Разгадав его, Тан Шэнь содрогнулся: прибывает посланник из Шэнцзина!

Неужели кто-то приехал из Шэнцзина?

Тан Шэнь пока не мог оценить степень важности происходящего, но не смел проявлять беспечность. Тайный сбор сведений о Государстве Ляо был важнейшим делом, скрытым от посторонних глаз. Тан Шэнь даже Ван Чжэню ничего не говорил открыто — тот догадался обо всем сам. Кто знает, не сорвет ли чиновник из Шэнцзина все дело?

Тан Шэнь сжал в кулаке секретное письмо и размышлял в комнате целое послеполуденное время. К ночи, когда стемнело, он поднялся и зажег свечу. Тан Шэнь поднес письмо к огню; глядя на скручивающуюся и чернеющую бумагу, он тяжело вздохнул. Подозвав Цяо Цзю, он произнес:

— Самое позднее завтра я должен покинуть город. Есть ли у тебя способ?

— Господин точно должен выехать?

— Да, мне непременно нужно выбраться.

Цяо Цзю перебрал в голове все мысли:

— Есть! Будьте спокойны, господин, поручите это мне.

На следующее утро, лишь только рассвело, по неровной мостовой, пошатываясь, катил тележку с помоями щуплый мужичок, похожий на трактирного слугу. Направлялся он к западным городским воротам. Едва он приблизился к воротам, как его остановили стражники. Слуга с жалобной миной запричитал:

— Почтенные господа, смилуйтесь! Из нашего кабака уже несколько дней не вывозили помои. Если оставить их еще ненадолго, у нас все задохнется!

Двое стражников еще не успели толком вслушаться в его слова, как, подойдя ближе, едва не выворачивали желудки от ужасающей вони.

Один из них гаркнул:

— Это еще что за дрянь?! Воняет страшно! Разве ты не знаешь, что управа Сицзинь закрыта? Никому нельзя выходить!

— Ничтожный слуга работает в кабачке «Ячжэ» на западе города... Мне бы только помои вывезти.

Стражник только хотел ответить, но, открыв рот, вдохнул густую смрадную волну. Он тут же захлопнул рот, с чувством, будто при каждом слове заглатывает кусок дерьма.

Так называемая блокада управы Сицзинь, разумеется, не могла быть абсолютной. Если бы из города вообще никого не выпускали, через пару дней телеги с нечистотами и помоями превратили бы управу Сицзинь в сплошную клоаку.

Пересиливая вонь, стражник подошел ближе, чтобы осмотреть тележку.

На тележке стояли четыре огромных бочки. Стражник приподнял крышки первых двух и тут же срыгнул кислотой от вида и запаха сгнивших за несколько дней отбросов. Он велел напарнику проверить оставшиеся бочки. Слуга проявил крайнюю покорность и сам снял крышку с третьей. Но второй стражник, зажав нос, пробормотал:

— Ладно, ладно, проваливай!

Слуга обрадовался, торопливо упал на колени, отбил стражникам поклон и уже собрался покатить тележку дальше.

В этот момент первый стражник окликнул:

— Погоди, те две бочки еще не посмотрели.

— Да что там может быть? В такой вонище человек, что ли, спрячется?

Первый стражник собрался было возразить, но его приятель с недовольным видом выхватил меч и наобум ткнул им в две оставшиеся бочки:

— Ну что, теперь доволен? Тьфу, воняет еще сильнее! Помои потекли... мой меч теперь весь в дерьме! Проклятый дурак, убирайся отсюда живо и не тяни время!

Обычно при досмотре грузов стражники нередко тыкали в них мечами для очистки совести. Но в этот раз стражник от вони совсем потерял голову и уколол бочки на автомате, забыв, что перед ним помои. Едва сделав это, он сам пожалел о содеянном.

Слуга потрясенно вытаращил глаза — стражник вонзил меч в бочку слишком быстро, он даже ойкнуть не успел. Впрочем, раздумывать не было времени: стражники буквально выпихали его за городские ворота, чтобы вытекающие помои не пачкали землю у прохода.

Оказавшись за воротами, слуга прибавил шагу и быстро покатыл телегу прочь.

Добравшись до безлюдного места, он поспешно сорвал крышки со всех четырех бочек. Открыв их, слуга понял, что сам забыл, в какой из них прячется Тан Шэнь. Он принялся нащупывать секретный механизм и наконец нашел бочку с двойным дном. Отперев перегородку, он тревожно спросил:

— Господин, вы целы?!

Просидев в укрытии свыше часа, Тан Шэнь при первой же возможности глотнул свежего воздуха, выбрался из бочки и упал у дороги, кашляя и мучаясь рвотой.

Тайный отсек в бочке делался впопыхах за одну ночь по приказу Цяо Цзю. Работа была топорной, и перегородка не могла полностью сдерживать просачивающиеся сверху вонючие нечистоты. Одежда и волосы Тан Шэня вымокли в кислой грязной помойной воде; то, что он вытерпел это время, требовало нечеловеческой воли.

Слуга, сопровождавший Тан Шэня, был доверенным человеком Лу Шэня. Он протянул Тан Шэню бурдюк с водой, но тот не мог сделать и глотка. Тан Шэня долго рвало, пока желудок не опустел полностью.

— Господин, тот стражник дважды ткнул мечом... Вы не ранены? — поинтересовался слуга.

Тан Шэнь отер губы от кислой слизи и поднял руку:

— Немного задело, но рана неглубокая, ничего страшного. Мой отсек и так наполовину затопило помоями, поэтому, вонзив меч, он не заметил ничего необычного. Не будем терять время, скорее возвращаемся в город Ючжоу.

Слуга внимательно осмотрел руку Тан Шэня и убедился, что порез действительно поверхностный, а кровь успела запечься, пока они выбирались из города.

Поскольку они спешили, в дикой глуши выбирать не приходилось. Они быстро добрались до ближайшего городка, сменили одежду, купили лошадей и поскакали в город Ючжоу.

Путь из Ючжоу до управы Сицзинь занял у Тан Шэня шесть дней. Но на обратную дорогу,

скача во весь опор, они потратили всего двое суток.

Проводя дни и ночи под открытым небом, Тан Шэнь, сжав зубы, мчался на юг.

Глубокой ночью, когда город Ючжоу был уже близко, Тан Шэнь вдруг натянул поводья. Сопровождавший его воин недоуменно оглянулся. В лунном свете лицо Тан Шэня казалось белым как бумага. Сжав правую руку в кулак, он прикрыл рот, глухо кашлянул и проговорил тихим, хриплым голосом:

— Все-таки я проявил неосторожность... Должно быть, помои попали в рану, и началось нагноение.

Воин в ужасе соскочил с коня и бросился осматривать рану. Порез казался незначительным, однако побледнел и сочился гноем. Прикоснувшись к коже Тан Шэня, воин почувствовал, что тот горит в сильнейшем жару.

— Плохо дело! Рану нужно срочно обработать, — испуганно воскликнул воин. — Господин, потерпите немного!

С этими словами он выхватил кинжал, высек огнем искру, разжег небольшой костерок и положил клинок прямо в пламя.

Когда лезвие раскалилось докрасна, он повернулся к Тан Шэню:

— Господин, держитесь!

Тан Шэнь, тяжело и горячо дыша, слабо кивнул. В следующий миг раскаленный докрасна клинок прижег рану на его руке. От дикой, нечеловеческой боли глаза Тан Шэня готовы были вылезти из орбит. Мучительная боль хлынула от раны по всему телу, мышцы вокруг поврежденного места судорожно и безудержно забились.

Тан Шэнь потерял сознание.

Когда он очнулся, они находились уже у самых стен города Ючжоу. Воин, не раздумывая, устремился к воротам:

— Вам нужно скорее к лекарю! Я лишь прижег рану, этого мало.

<http://bllate.org/book/18292/1757381>